

Размышления о финансовом форсаже¹

(по мотивам книги «Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика»)

А. Г. Аганбегян,

академик РАН, заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Понятие «финансовый форсаж» я заимствовал из названной книги, которая анализирует опыт ряда стран (Японии, Южной Кореи, Китая, Малайзии и Сингапура), сумевших перейти от отсталости и застоя к уверенному социально-экономическому росту и стать передовыми и значимыми в мире державами. Выявлены общие финансово-экономические закономерности этого перехода, которые, по мнению авторов книги, применимы к современной России.

При этом впервые подробно исследуется коренная перестройка финансовой системы, разработка новой финансовой политики развития экономики, которую авторы и назвали *финансовым форсажем*. Именно *финансовый форсаж* как стратегия форсированного финансового развития экономики играет главную роль в кратном подъеме экономического и социального уровня этих стран.

Надо ли говорить, насколько это важно для нашей страны, где отсутствие эффективной политики регулирования экономического роста привело страну сначала к стагнации и стагфляции в 2013–2014 гг., а после снижения цен на нефть, введения санкций против России со стороны ЕС и США в связи с присоединением Крыма и событиями на Украине и резким падением валютного курса рубля – к глубокой рецессии в 2015 году.

Сегодня, по-видимому, всем ясно, что надо менять и бюджетную, и инвестиционную, и денежно-кредитную политику. Но как менять – ясности, и тем более решений, пока нет. Нет поэтому и «света в конце тоннеля», по которому мы пробираемся «в потемках и на карачках».

Положения рассматриваемой книги во многом, по моему убеждению, освещают путь вперед. И не умозрительно, а опираясь на опыт, выстраданный многими странами.

Рассматриваемая книга объемом более 35 п. л. подготовлена под руководством и редакцией доктора экономических наук профессора Я. М. Миркина. Он руководит отделом международных рынков капитала в Институте мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, одновременно являясь председателем Совета директоров ИК «Еврофинансы».

Я давно слежу за публикациями Я. М. Миркина, считаю их лучшими в России по финансовым вопросам. Можно сослаться прежде всего на фундаментальную монографию «Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски» (М.: Гелеос, 2011). Другая его книга, в которой главный вопрос: *как России усилиться*, – «Финансовый конструктивизм» (М.: Лингва-Ф, 2014). Книга обобщает многочисленные публикации автора в этот период в «Российской газете» и в журналах «Прямые инвестиции», *Forbes*, «Эксперт», «Рынок ценных бумаг» и других, а также на интернет-портале.

Современная социально-экономическая ситуация в России в сравнении с начальным уровнем стран, перешедших к новой политике догоняющей модернизации путем финансового форсажа. Успешную модернизацию на базе финансового форсажа в послевоенный период и, прежде всего, в 1950–1960-е гг., прошли Германия, Австрия, Италия и несколько позже, в 60-х гг., Испания. В Латинской Америке такая модернизация была проведена в Бразилии (конец 60–70-х гг.). Из азиатских стран наиболее значимый опыт Японии (1950–1970 гг.) и позже, в 1970–1990 гг., – Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, а с 1980-го до 2010 г. – Китая.

Все названные страны за лучшие свои десятилетия увеличили ВВП с минимума в 1,7 раза (Гонконг, Сингапур, Бразилия, Италия) до максимума в 2,5 раза – Китай (1990–2010 гг.). Иногда к странам с опережающими темпами роста относят также Вьетнам, Индонезию, Индию, Малайзию, Шри-Ланку, Лаос, Ирландию и Чили. Эти страны за лучшие десятилетия увеличивали свои темпы в несколько меньших размерах. Индия, например, в 1,6 раза, Малайзия – в 1,4 раза, как и Ирландия, Чили, Индонезия.

Из этой широкой группы стран возьмем три крупные державы – Японию, Южную Корею и Китай, исходя из того, что именно их опыт для нас более ценен.

С финансово-экономической точки зрения, экономике России последних лет характеризуют низкие темпы социально-экономического развития, технико-экономическая отсталость от развитых стран, низкая норма инвестиций – 18% в 2015 г. (ее доля в ВВП), низкая монетизация (около 40% ВВП), невысокая доля

¹ Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под редакцией Я. М. Миркина. М.: Магистр, 2014. 496 с.

кредитных ресурсов по отношению к валовому внутреннему продукту (около 56% ВВП), высокий ссудный процент (15–20%), повышенные темпы инфляции (12% ожидаемых в 2015 г.), чрезмерные налоги, прежде всего на бизнес.

В экономическом плане Россия характеризуется высоким износом основных фондов (48%), низкими коэффициентами их выбытия (0,7%) и обновления (3,7%), высокой возрастной структурой машин и оборудования (около 14 лет), преобладанием в большинстве отраслей отсталых технологий, давно прошедших технических укладов, отставанием в инновационном развитии, в развитии высокотехнологических отраслей, «экономике знаний», в обновлении продукции, низким качеством конкурентоспособности многих производимых продуктов, отсталостью структуры экспорта и попыткой за счет импорта обеспечить себя прогрессивными материалами, современными машинами и оборудованием, информационными технологиями, большой номенклатурой готовой продукции.

Примерно такими же показателями характеризовался и исходный уровень стран, которые перестроили свою политику, перешли на финансовый форсаж и, в основном, за 10–20 лет коренным образом изменили экономику, су-

щественно меняя каждый год названные выше ключевые финансовые и экономические показатели.

Япония в 50-х гг., Южная Корея в 70-е гг. и Китай в 80-е гг., когда они начинали ускорение, – были отсталыми и бедными странами.

В сводной таблице (данные заимствованы из рецензируемой книги) показан результат догоняющей модернизации путем финансового форсажа в виде роста ВВП в среднем за 10-летний срок, а затем 8 показателей финансов, какие они были в начале и в конце периода.

С этого исходного уровня страны стали осуществлять новую стратегию, перейдя к финансовому форсажу для модернизации экономики. Уровень насыщенности экономики финансовыми активами для опережающего роста ВВП был повышен в Японии в 2,4 раза, в Южной Корее – более чем в 7 раз, в Китае в 5 раз. Монетизация экономики в Японии дошла до 109% к ВВП в 1990 г. и до 125% – в 2000 г. Южная Корея с 35% в 1980 г. повысила ее до 142% в 2010 г., Китай – с 36% в 1980 г. увеличил уровень монетизации до 182% (2010 г.).

Ключевое значение при этом для экономического роста имело форсированное увеличение инвестиций с повышением их нормы. В Японии – до 32–35%, в Южной Корее – до 30,37%, в Китае – до 46% ВВП. Именно

Т а б л и ц а

Показатели	Япония, 1950–1970 гг.	Южная Корея, 1960–1980 гг.	Китай, 1980–2010 гг.
Рост ВВП, в % в среднем за десятилетие	225	201	235
Монетизация экономики			
Деньги, в % к ВВП			
в начале периода	45	10	36
в конце периода	109 (1990 г.)	117 (2000 г.)	182
Доля инвестиций, в % к ВВП			
в начале периода	19	11	29
в конце периода	36	37 (1990 г.)	46
Кредит, в % к ВВП			
в начале периода		9	39
в конце периода		103	172
Ссудный процент			
в начале периода	9	18	9,5 (1990 г.)
в конце периода	2 (2000 г.)	6 (2000 г.)	6
Инфляция, в % в год			
в начале периода	6,6	15 (1970 г.)	3,1 (1990 г.)
в конце периода	3,1 (1990 г.)	2,3 (2000 г.)	0,3 (2000 г.)
Курс национальной валюты, в % к доллару			
в начале периода	360	310 (1970 г.)	1,5
в конце периода	145 (2000 г.)	708 (1990 г.)	6,3
Доля конечного потребления государства, в % к ВВП			
в начале периода	10	9	15 (1990 г.)
в конце периода	17 (2000 г.)	12 (2000 г.)	16 (2000 г.)
Уровень налоговой нагрузки			
Доходы правительства, в % к ВВП			
в начале периода	27 (1980 г.)	17 (1995 г.)	27
в конце периода	29 (2000 г.)	22 (2005 г.)	20

высокая норма инвестиций сыграла главенствующую роль в ускорении социально-экономического развития. Для повышения нормы инвестиций пришлось резко увеличить долю *инвестиционного кредита*. Доля кредитных ресурсов в Южной Корее выросла в 3 раза – до 110%, а в Китае в 4 раза – до 172%. Объем кредитной массы повсеместно в подобных странах превысил объем ВВП.

Для этого надо было всемерно снизить ссудный процент. В Японии к 1990 г. он снизился до 7%, а к 2000 г. до 2%, в Южной Корее он снизился до 5,5% к 2010 г., в Китае – до 5,3% (2009 г.). Для этого пришлось вдвое сократить инфляцию в Японии – с 6,6 до 3,1% в 1990 г., с 15% довести ее до 2,5% к 2000 г. в Южной Корее, а в Китае снизить инфляцию до 3% в 1990 г. и до 0,3% в 2000 году.

Характерно, что во время догоняющей модернизации и финансового форсажа страны избегали увеличения налоговой нагрузки, прежде всего на бизнес. В Японии налоговая нагрузка колебалась весь период ниже 30% ВВП, в Южной Корее она установилась немногим более 20%, а в Китае с 26,5% она снизилась и в основном была ниже 20%.

Особенности финансово-экономической системы России в сравнении с другими странами для перехода к политике ускоренного развития. В рассматриваемой книге авторы дважды примеривают для России возможность перехода к новой финансово-экономической политике ускоренного социально-экономического роста.

В первой главе «Финансовый форсаж» заключительный параграф посвящен урокам для России. Более подробно этому посвящена 7-я глава «О программе «финансового форсажа» для России». Авторы видят особенности России в том, что здесь широко распространена нерыночная среда, в которой рынок не может сам справиться с многолетними деформациями финансов – сверхвысокими процентами на капитал, немонетарной инфляцией, крайне низкой монетизацией и насыщенностью кредитами, с завышенным валютным курсом. Рынок не сможет преодолеть сам по себе огосударствление финансового сектора и сверхконцентрацию государственности. Поэтому здесь придется расширить, но осторожно, не нарушая рыночность, использование административных инструментов для снижения разбалансированности и волатильности финансовой системы России. По мнению авторов, это возможно сделать, только если Банк России станет центральным банком развития, сочетающим финансовый дирижизм, направленный на урегулирование деформации и создание нужных финансовых условий, с развитием российского финансового сектора как рыночной среды.

Когда рассматриваемые азиатские страны начинали свое ускоренное развитие путем финансового форсажа, их роль в мировой экономике была мало заметна, их ВВП по отношению к ВВП США в это время составлял: в Японии – 2,3% (1950 г.), в Южной Корее – 0,4% (1961 г.), в Китае – 7,2% (1980 г.), тогда как в России этот показатель в 2013 г. составил 19% – т. е. в разы больше.

Кроме того, по уровню образования Россия фактически входит в число развитых стран, занимая в международных рейтингах 20-е место. Передовой страной является Россия и по комплексу отраслей, производящих вооружение.

Хотя объем НИОКР в современной России примерно втрое снизился по сравнению с советскими временами, по многим направлениям остались серьезные научно-технические заделы, сохранилась часть высококвалифицированных кадров и отдельные передовые предприятия и организации, достигшие высоких мировых показателей в своей деятельности.

Наличие крупных научно-технических заделов, высококвалифицированных образованных кадров и передовых (скорее, единичных, чем многочисленных) предприятий и организаций дает возможность России во многом за счет собственных сил и средств, опираясь на собственные достижения, сделать серьезный рывок вперед без массового заимствования иностранного опыта, к которому прибегли почти все страны форсированного развития.

Нам придется добиваться ускоренного социально-экономического развития в значительной мере за счет наших внутренних резервов и возможностей. Каковы же эти резервы и возможности финансовой сферы, в которой санкции против России особенно жесткие?

В результате неадекватной экономической и финансовой политики в условиях стагнации и рецессии в 2013–2015 гг. международные (золотовалютные) резервы страны сократились с 540 млрд дол. в 2012 г. до примерно 350 млрд дол. к июню 2015 года.

В то же время с недавних пор Центральный банк стал скупать валюту по 100–200 млн дол. в день, имея целью со временем увеличить эти резервы до 500 млрд дол. С учетом этих обстоятельств можно надеяться, что размер международных (золотовалютных) резервов сохранится в России в среднесрочной перспективе на уровне не ниже объемов федерального бюджета, который в ближайшие годы вряд ли превзойдет 15 трлн руб., т. е. менее 300 млрд долларов.

Финансовые возможности России связаны также с возросшим размером активов банковского сектора России. На 1 января 2015 г. совокупный объем активов российских банков достиг 77,7 трлн руб., впервые в 2014 г. превзойдя 100-процентный рубеж (108,7%) ВВП (его объем 71,4 трлн руб.). Активы банков в России являются основным по величине денежным фондом, в 2,5 раза превышающим государственные финансы – объем консолидированного бюджета с учетом всех государственных внебюджетных фондов – и более чем в 5 раз превышающим размер федерального бюджета.

В то же время доля консолидированного бюджета и внебюджетных госфондов составляет 38% ВВП – выше, чем у подавляющего большинства развивающихся стран. Несмотря на кризисные явления в экономике России в 2015 г. финансовый результат предприятий и организаций (прибыль предприятий и организаций за вычетом убытков) в 2013 г. снизился до 6,5 трлн руб. в сравнении с 7,8 трлн руб. в 2012 г., а в 2014 г. снизился еще на 10%, но все же составляет значительную сумму – около 6 трлн руб. – и продолжает увеличиваться в 2015 году.

Важно подчеркнуть, что российское государство, в отличие от подавляющего числа других государств мира, имеет минимальный внешнеэкономический долг в размере около 40 млрд дол., что составляет менее 3% ВВП России. К тому же наше государство имеет самую высокую репутацию добросовестного должника, отдавшего свой предыдущий долг в размере 158 млрд дол. по состоянию на 2000 г. в основном досрочно. И у российского государства, конечно, есть возможность привлечь крупные займы отдельных международных финансовых организаций и ряда стран, не настроенных враждебно к России.

Слабым местом в финансовом обеспечении России является неразвитость инвестиционного кредитования, которое составляет только 1,5% от активов банковского сектора (1,1 трлн руб.), а в составе всех ин-

вестиций – менее 9%, в то время как в развитых странах этот показатель равен 30–50%, а в развивающихся странах, в том числе в Китае, – более 20% при норме инвестиций 30% и выше. При этом в России фондовый рынок не играет сколь-нибудь существенной роли в формировании инвестиций и в перетоке капитала из отрасли в отрасль.

К тому же в России отсутствуют крупные фонды «длинных» денег – накопительные пенсии, паевые фонды, фонды страховых компаний, инвестиционные фонды и др. Формально такие фонды есть, но объем средств в них исчисляется десятками миллиардов долларов, а не сотнями миллиардов или даже триллионами, как в крупных развитых странах, а также в Китае. В России практически отсутствует рынок капитала. И это одна из немногих стран, где свои нужды в инвестициях предприятия и организации покрывают более чем на 50% за счет собственных средств, а крупные компании в значительной мере пытались получить эти средства от иностранных инвесторов.

Во многом все это связано с тем, что показателю монетизации в России обычно уделяют мало внимания. Между тем это, пожалуй, главный финансовый показатель в стране, характеризующий *финансовую глубину экономики*, т. е. ее насыщенность деньгами, финансовыми инструментами и финансовыми институтами. Этот показатель широко используется при анализе финансово-экономического положения страны со стороны МВФ и Мирового банка. Интерес к этому показателю столь высок потому, что низкая монетизация, а значит, низкая финансовая глубина экономики вызывают торможение экономического роста, зависимость страны от коротких инвестиций, характеризуют слабость ресурсного потенциала финансового сектора, завышенность цены денег в экономике. Низкая монетизация является также причиной низкой капитализации банков-резидентов. При низкой монетизации неразвитыми, естественно, остаются сами финансовые рынки со всеми вытекающими отсюда последствиями¹.

Пытаясь бороться с инфляцией, мы поддерживаем низкую монетизацию и тем самым деформируем финансовый рынок, оставляя его неразвитым, что тормозит развитие экономики. Немонетарный характер нашей инфляции, влияние на нее государственных и олигархических монополий, огосударствление хозяйства крайне затрудняют снижение ее до нормальных рыночных размеров.

Сложно и психологически крайне тяжело будет переломить фискальную характеристику всей нашей экономики: Министерство финансов является составителем бюджета, жестко проводя свою фискальную линию. Именно Минфину было поручено разработать налоговую систему России. (Это все равно, что поручить полиции разрабо-

тать уголовный кодекс.) Естественно, что налоговая система получилась фискальной, была отменена льгота не взимать налог с той части прибыли, с которой формировались инвестиции, и их рост сразу резко замедлился. На днях Президент Российской Федерации В. В. Путин дал указание возобновить льготу для инвестиций, которые предприятия выделяют за счет собственных средств.

Из 38% к ВВП доходов государства, представленных в консолидированном бюджете вместе с внебюджетными госфондами, налоги на доходы населения занимают немногим более 10%, а остальные налоговые поступления и обязательные страховые платежи (в процентах к фонду заработной платы) падают на предприятия и организации, которые лишаются средств для своего развития.

При такой налоговой нагрузке на бизнес переход к политике ускоренного экономического роста вряд ли возможен. У всех стран, которые прошли этот путь, налоговая нагрузка, особенно на бизнес, намного ниже. Удастся ли нам коренным образом изменить идеологию и отвести Министерству финансов ту роль, которую оно обычно играет в других странах, где бюджет разрабатывается самим правительством или президентской командой? Тем более это относится к Налоговому кодексу, который является одним из главных тормозов развития нашей страны, поскольку почти не содержит стимулов для экономического роста.

Фискальная направленность нашей экономики, увы, не единственная беда и не основное препятствие, мешающее раскрутить экономику. Главная беда и главный барьер на пути социально-экономического роста – это происходящий процесс огосударствления экономики в сочетании с засильем в отдельных отраслях олигархического капитала и монополизация со стороны государственных и олигархических структур целых отраслей и сфер экономической жизни.

Государственный сектор, находящийся в привилегированном положении, все время подпитывается государственными деньгами, более выгодными кредитами, всяческими льготами, тем не менее развивается медленно, имеет низкую капитализацию даже в сравнении с частным олигархическим сектором, который тоже пользуется многими льготами, особенно со стороны банков.

И совсем в трудном положении находится частный капитал, работающий на конкурентных рынках и в основном состоящий из средних и мелких предприятий. Его доля в экономике попросту сокращается. С каждым годом все меньше трудоспособных граждан России хочет заняться предпринимательской деятельностью. Здесь велики риски потерять капитал (который отберут либо госструктуры, либо олигархи), велик также риск уголовного преследования.

Поэтому, чтобы перейти к быстрому экономическому росту, нашим руководителям *нужно будет про- явить настоящую политическую волю*. Предстоит резко расширить частный сектор, создать конкурентную среду, ограничить госмонополии и олигархов,

¹ Более подробно см.: *Миркин Я. М.* Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: Гелеос, 2011 (гл. 1).

прекратить ежегодное принудительное государственное повышение цен для того, чтобы переложить трудности государственных организаций на население и других потребителей. Линии на приватизацию неизбежно должны быть связаны с линией на сокращение госрасходов, по которым Россия лидирует в мире (по отношению к ВВП), со снижением налоговой нагрузки на бизнес и с изменением роли Министерства финансов в экономике страны.

Сложность нашей ситуации заключается в том, что мы должны развиваться намного быстрее развитых стран, от экономического и особенно социального уровня их развития мы серьезно отстаем.

Финансовое подкрепление новой социально-экономической политики по ускоренному развитию. В России главное в новой социально-экономической политике – ускоренное развитие, переход к форсированным инвестициям. Ведь именно инвестиции являются основным источником экономического роста, особенно в России. По нашей оценке, *экономический рост в течение сколь-нибудь продолжительного периода примерно на 80% зависит от увеличения инвестиций в основной капитал.* И только 20% от всего экономического роста можно отнести за счет лучшего использования действующих основных фондов и других производственных ресурсов.

Столь низкая доля возможности развития за счет лучшего использования производственных ресурсов, повышения эффективности при том же размере инвестиций в России связана с отсталостью и устарелостью значительной части основных фондов в большинстве сфер и отраслей народного хозяйства. На основе устаревших фондов нельзя достичь высокой производительности труда, существенного снижения материальных затрат и энергопотребления, добиться высокого качества продукции, ее конкурентоспособности. Тем более нельзя на основе старых фондов осваивать новые виды продукции.

Технологическое обновление – важнейшее направление инвестиций. Чтобы обеспечить ускоренное развитие, нужно особое внимание уделять высокотехнологическим отраслям, продукция которых больше всего востребована. Поэтому эти отрасли увеличиваются быстрее и тянут за собой всю экономику. Благодаря ускоряющемуся научно-техническому прогрессу все время возникают новые производства, формирующиеся в значительной мере за счет создания новых предприятий, реализующих самые современные технологии.

Стратегически важное направление инвестиционной деятельности – *создание современных транспортно-логистических систем высокоскоростных автострад и скоростных железных дорог.*

Объектом особого внимания является сфера «экономики знаний», объединяющая НИОКР, образование, информационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. В передовых странах она растет опережающими темпами, и ее доля в создании ВВП в странах Западной Европы достигла 35%, а в США превзошла

40%. Эта сфера с учетом ее мультипликационного эффекта стала сейчас главным локомотивом социально-экономического развития многих стран.

В догоняющей модернизации развивающихся стран и стран с переходной экономикой, к которым относится Россия, как видно, решающее значение имеют технологическое обновление в самом широком смысле слова и *вложение средств в человеческий капитал – главную движущую силу современного общества.*

Благодаря инновациям и возможностям наращивания человеческого капитала даже отсталая страна может довольно быстро вырваться вперед по ключевым направлениям научно-технического прогресса.

Переход к форсированным инвестициям в России, на наш взгляд, мог бы состоять в их ежегодном увеличении примерно по 10% с тем, чтобы к 2020 г. норма инвестиций достигла 25% ВВП, а к 2025 г. – 30% ВВП и к 2030 г. – 35% ВВП.

25-процентная норма инвестиций соответствует 3-процентному темпу экономического роста за счет внутренних факторов, 30-процентная норма – 4–5% в год, а 35-процентной норме инвестиций соответствует темп 5–6%.

При этом за 15 лет до 2030 г. можно будет технологически обновить основные отрасли нашей экономики, снизив до 7–8 лет средний возраст машин и оборудования и до 25–30% износ основных фондов. Коэффициент обновления фондов здесь мог бы подняться вдвое – до 8%. Удельный вес «экономики знаний» в создании ВВП в России можно было бы увеличить с 15% в настоящее время до 25% к 2025 г. и до 35% к 2030 году.

Объем жилищного строительства за 10 лет до 2025 г. следовало бы удвоить, а к 2030 г. обеспеченность комфортным жильем на душу населения можно было бы увеличить с 15 кв. м в настоящее время до 30 кв. м. Долю высокотехнологических отраслей целесообразно поднять с 10% в составе промышленной продукции до 20–25%.

Главным источником повышенных инвестиций могли бы стать активы наших банков: доля инвестиционных кредитов с 1,5% могла бы шаг за шагом быть повышена до 10%. Постепенно надо стремиться к тому, чтобы не менее половины инвестиций шло за счет инвестиционного кредита на началах возвратности и окупаемости. К этому следовало бы переходить и при использовании большей части бюджетных инвестиций, что во многом исключит нецелевое использование значительной части инвестиций и неэффективное их использование. *Форсированные инвестиции, резкое повышение доли инвестиционного кредита потребуют постепенной перестройки финансовой системы России в направлении формирования крупных фондов «длинных» денег.* В настоящее время таких фондов, кроме банковских активов и госбюджета, в России нет. В процентах к ВВП доля накопительных пенсионных фондов составляет всего 3%, активов страховых компаний – 2%, фондов коллективных инвестиций – 3%.

Речь идет о переходе со временем на накопительную пенсионную систему за счет обязательных пенсионных взносов (наряду с добровольными) из зарплаты и доходов граждан, всемерного развития страховых компаний и формирования крупных фондов «длинных» денег при страховании жизни и здоровья, в том числе за счет взносов работающего населения. Привлечение средств населения для повышения пенсионного обеспечения и развития здравоохранения позволит снизить нагрузку на бизнес по крайней мере в 1,5 раза. Это привлечение средств населения целесообразно осуществить при одновременном разовом повышении зарплаты и других доходов, обеспечивающих поддержание достигнутого уровня реальных зарплат и реальных доходов.

Следовало бы снизить и размеры НДС, что сократит долю консолидированного бюджета вместе с внебюджетными государственными фондами с 38 до 30% ВВП. При этом должна сократиться за счет всемерной экономии и величина государственного потребления, по размеру которой в доле ВВП Россия занимает одно из первых мест в мире, являясь самой расточительной среди крупных держав.

Форсированные инвестиции предполагают резкое сокращение ссудного процента при ежегодном увеличении кредитной массы, а с ней и монетизации экономики, которая постепенно должна сначала приблизиться, а потом и превзойти величину ВВП. Ссудный процент с самого начала мог бы быть снижен до 8%, а через год-два до 4%. Для этого наконец-то надо справиться с инфляцией.

Так как во многом в России инфляция носит немонетарный характер и напрямую зависит от действий государства, главным ответственным за ее уровень должно стать Правительство, а не Центральный банк.

Центральному банку на современном этапе следовало бы уделять основное внимание инвестиционному кредиту и вложению банковских средств в социально-экономическое развитие страны.

Чтобы победить инфляцию, целесообразно составить 3-летнюю программу высшего президентского уровня, согласно которой на второй год снизить инфляцию до уровня 2012 г. – 5%, а на третий год до 3% в год. Для этого надо проявить сильную волю, прекратить повышать по линии государства цены и тарифы, поставить под жесткий контроль государственные монополии, проведя в них меры по всемерной экономии средств и приведению уровня зарплаты их работников в соответствие с зарплатой государственных чиновников соответствующего ранга.

Самое трудное в социально-экономическом развитии страны – решение социальных проблем. Дело в том, что по социальным показателям Россия отстает от развитых стран намного больше, чем по экономическим. Исключение здесь составляет, как отмечалось выше, только образование, по которому в международном рейтинге Россия занимает 20-е место. По уровню

экономического развития она занимает, как известно, 43-е место, по уровню реальных доходов и реальной заработной платы – 50-е место, по обеспеченности комфортным жильем – 80-е место, по средней ожидаемой продолжительности жизни – 90-е место; 100-е место занимает Россия по показателю пенсионного обеспечения в сравнении с ожидаемой продолжительностью здоровой жизни и размеру пенсий по отношению к средней заработной плате. Худшее место в мировых рейтингах Россия занимает по качеству здравоохранения, уступая более чем 100 странам из примерно 150 стран, представленных в данном рейтинге.

Поэтому России предстоит развиваться, не просто наращивая экономический рост, а с креном в приоритетное решение наиболее острых социальных проблем: ликвидация бедности и сокращение разницы в среднем доходе 10% зажиточных граждан и 10% бедных граждан с 16–17 раз до 12 раз к 2025 г. и до 8 раз к 2030 г. Для этого нужно резко поднять минимальную заработную плату, решить вопрос о нормальном пенсионном обеспечении, ввести дополнительные пособия для детей, в чем мы нуждаемся из-за предстоящего значительного сокращения рождаемости и в связи со снижением фертильных возрастных контингентов у женщин.

При намеченных темпах социально-экономического развития Россия могла бы в 2030–2035 гг. войти в состав развитых стран и сравняться в основном с показателями Испании. А если форсирование инвестиций будет продолжено еще на 5-летний период, то к 2035–2040 гг. Россия могла бы войти по уровню экономического и социального развития в число самых развитых стран мира – стран G7, где ориентиром для нее могла бы стать Германия. При этом уже к 2020–2022 гг. Россия могла бы опередить Германию по объему ВВП по паритету покупательной способности, выйдя на 5-е место в мире, а к 2035 г. опередить Японию, выйдя на 4-е место в мире после США, Китая и Индии, которые из-за намного большей численности населения закономерно всегда будут иметь более высокий экономический потенциал. До 2025 г. темпы социально-экономического развития России будут в 1,5 раза выше возможных среднегодовых темпов развитых стран мира и соответствовать общемировому экономическому росту, а в период после 2025 г., когда темпы роста России поднимутся до 5–6%, Россия начнет развиваться в 1,5 раза быстрее общемирового тренда и втрое быстрее развитых стран мира.

Это необходимо, чтобы развиваться с креном в социальные показатели, по которым Россия пока отстает не только от развитых, но и от многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Надо все большую долю прироста ВВП перераспределять в пользу населения, целенаправленно формируя мощный средний класс страны, доля которого вместо нынешних 20% могла бы подняться до 40–50% уже к 2025–2030 годам. ■